

Секция «44.4 Актуальные вопросы современного международного права»

Временное освобождение от обязательств в системе ВТО

Научный руководитель – Кадышева Ольга Владимировна

Самыгин Даниил Николаевич

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра международного права, Москва, Россия

E-mail: lycmlm@gmail.com

Право ВТО, как составная часть современного международного публичного права, испытывает внутреннее напряжение между требованиями стабильности и гибкости. С одной стороны, обязательная сила договорных норм и эффективный механизм разрешения споров обеспечивают предсказуемость международных торговых отношений. С другой стороны, современный изменчивый мир, различные обстоятельства и события (как пандемия COVID-19) не позволяют безоговорочно опираться на принцип *pacta sunt servanda*: согласие государств на обязательность договора, будучи необходимым условием действительности норм, само по себе не разрешает вопрос об избежании негативных последствий, наступающих вследствие такого согласия и «слепого» следования данному принципу.

В этих условиях особое значение приобретают механизмы, позволяющие оперативно адаптировать правовое регулирование к изменяющимся обстоятельствам, не разрушая при этом целостность правовой системы. Одним из таких механизмов является предусмотренное статьей IX:3 Соглашения об учреждении ВТО временное освобождение от обязательств (далее – «Освобождение»).

Система права ВТО, основанная на принципе недискриминации и связанная запретом на оговорки (ст. XVI:5), обладает ограниченным арсеналом средств для учета особых обстоятельств, возникающих и происходящих в современном мире. Общие исключения (ст. XX ГАТТ, ст. XIV ГАТС) носят абстрактный характер и не всегда способны охватить ситуации, в которых соблюдение обязательств вступает в противоречие с внутренними интересами государств или создает непредвиденные экономические трудности, в частности, для развивающихся стран.

В этой связи Освобождение выполняет функцию, как верно замечает Изабель Фейхнер, «предохранительного клапана» [1], позволяя легализовать временное отступление от обязательств в ситуации правовой неопределенности и/или в случаях, когда соответствующее временное отступление направлено на поддержание возникшего общего интереса государств [2]. Данная неопределенность может быть двух видов: во-первых, неопределенность последствий применения нормы, когда *ex ante* невозможно оценить ее влияние на развитие экономических связей или иные публичные интересы; во-вторых, неопределенность сферы действия нормы, когда ее формальное применение приводит к результатам, противоречащим целям соглашения.

Фрагментация международного права и появление специализированных режимов, регулирующих смежные с торговлей области (охрана окружающей среды, права человека, безопасность), создают риск нормативных коллизий. Доктринальные подходы, основанные на коллизионных нормах (*lex posterior, lex specialis*), не всегда позволяют разрешить конфликт, коренящийся в столкновении различных публичных интересов.

В этой связи Освобождение выступает актом горизонтальной субсидиарности, посредством которого ВТО добровольно ограничивает свою юрисдикцию в пользу иного, более компетентного актора. Наиболее показательна в этом отношении практика Кимберлийского процесса. Схема сертификации необработанных алмазов предусматривает торговые

ограничения, потенциально противоречащие обязательствам по ГАТТ. Вместо того, чтобы ожидать судебного оспаривания и разрешать вопрос о соответствии этих ограничений ст. XX ГАТТ, члены ВТО приняли Кимберлийское Освобождение [3].

Заметим, что преамбула решения специально оговаривает, что оно не предрешает вопроса о соответствии мер КИ нормам ВТО и принимается исключительно в целях правовой определенности. Тем самым, ВТО делегирует оценку адекватности и порядка применения мер самому Кимберлийскому процессу, признавая его большую экспертность в соответствующих вопросах.

Освобождение может служить инструментом временного изменения правового регулирования в тех случаях, когда выявляется дисбаланс интересов, заложенный в действующих нормах. В отличие от процедуры внесения поправок (ст. X Соглашения ВТО), требующей длительного процесса ратификации, решение об Освобождении вступает в силу немедленно при его принятии консенсусом.

Классическим примером является Освобождение по ТРИПС, оформленное Решением Генерального совета от 30 августа 2003 года. Данное решение позволило оперативно создать правовой механизм экспорта фармацевтической продукции, произведенной по принудительной лицензии, в страны, не имеющие собственных производственных мощностей. Временный характер Освобождения позволил протестировать новый механизм до его инкорпорации в текст Соглашения по ТРИПС в виде поправки (ст. 31bis). Более того, конструкция Освобождения допускала элемент «правовой вариативной геометрии», позволявшего отдельным членам заявить о намерении не использовать предоставленные правомочия, что сохранило гибкость выбора для разнородного членского состава ВТО [4].

Проведенный анализ позволяет рассматривать механизм Освобождения как полноценный правовой инструмент (с неисчерпаемым потенциалом), выполняющий три взаимосвязанные функции: во-первых, функцию «предохранительного клапана», позволяющую временно адаптировать общие нормы к особым обстоятельствам и непредвиденным (наступившим) последствиям; во-вторых, функцию межрежимной координации, обеспечивающую горизонтальное взаимодействие между фрагментированными правопорядками; в-третьих, функцию оперативного нормотворчества, позволяющую корректировать баланс публичных интересов

Реализация указанного потенциала напрямую зависит от процедурных аспектов принятия Освобождения, в частности, от транспарентности и представительности обсуждения, а также от следования принципу консенсуса. При соблюдении этих условий Освобождение способно стать (и становится) тем инструментом, который позволит сочетать стабильность правового порядка ВТО с необходимой гибкостью и реакцией на запросы меняющегося мира.

Источники и литература

- 1) The law and politics of WTO waivers : stability and flexibility in public international law / Isabel Feichtner // Cambridge international trade and economic law. Pp. 275-325.
- 2) Решение Министров Всемирной торговой организации по Соглашению ТРИПС, Документ ВТО. WT/MIN(22)/30, WT/L/1141 (2022).
- 3) Документ ВТО. WT/L/518 (27 Мая 2003).
- 4) Решение Генерального совета ВТО от 30 августа 2003 года, WT/L/540.